Гюнтер О'Димм сидел на столе, скрестив ноги, а посетители гостиницы порхали вокруг него, словно незначительные насекомые. Он с нетерпением смотрел на дверь, ожидая, пока его марионетка вернется с новостями, которые он уже знал. Лениво вертит деревянную ложку между ловкими пальцами. Быть им действительно было невероятно тяжело. Приходится изо дня в день замедляться до скорости этих идиотских существ. Чтобы выжить, приходится полагаться на дешевые уловки и сделки. Это действительно было ниже его, он уже должен был стать правителем… он был рожден, чтобы быть им.

Его гнев вспыхнул, когда дверь ужасной гостиницы распахнулась, и его марионетка вошла, выглядя не извиняющейся и, поверите ли, злой. Его причудливые кошачьи глаза бродили по всему месту, прежде чем остановиться на Гюнтере. Демон слегка отшатнулся от этого откровенного взгляда, но сохранил нейтральное выражение лица. Не надо показывать этим овцам, как презирал их волк.

Ведьмак прошел через переполненный бар, заметно прихрамывая, пока не оказался перед беспечным мужчиной. Его взгляд на мгновение скользнул по ложке, которой Гюнтер все еще крутил и возился, а затем вернулся к его неприметному лицу.

— Судя по твоему одиночеству, я могу только предположить, что ты не справился с моей маленькой задачей. О'Димм сказал своим лирическим голосом. Дрожь страха пробежала по ведьмаку, и он не мог не доброжелательно улыбнуться восхитительной реакции на его слова.

— Она была всем, чем ты говорил, но те ведьмаки… они ей помогали.

Демон наклонил голову набок, осматривая свою марионетку жесткими глазами. — У тебя было более чем достаточно помощи, чтобы справиться с этой заблудшей стаей волков. Я даже дал тебе Цареубийцу, чтобы пополнить твои ряды, почему ты просто не перебил их всех?

Ведьмак внезапно побледнел, его адские огненные глаза сверкнули ненавистью, когда он посмотрел на него. Это никогда не сработает. — Ведьмаки не склонны убивать других ведьмаков. Кроме того, этот так называемый Цареубийца , которого ты мне дал, в последнюю минуту помог демону.

Гюнтер какое-то время смотрел на него, а затем громко и долго рассмеялся. — Он сделал это сейчас? Неужели чудеса никогда не прекратятся? Он вытянул палец и поставил на него ложку. — Она все еще с ними?

'Да. Я заключил с ней сделку. Если бы она выиграла, я бы оставил их в покое. После боя я был… вынужден подчиниться ей. Выражение лица Гюнтера потемнело, когда он выдернул руку из-под ложки, схватил ее в воздухе и резко ударил ведьмака по лицу.

«Конечно, так оно и было. Вот что происходит, когда вы заключаете подобные сделки. Разве ты не научился? Ложкой он отодвинул ткань, закрывающую его собственную метку, лежащую на бледной коже ведьмачьего плеча. — Она видела это, не так ли?

Ведьмак стал молочно-белым, если не считать красного круга там, где его ударили, и медленно кивнул. Гюнтер тепло улыбнулся, вынимая ложку.

'Хороший. Ненавижу приходить без предупреждения. Он еще раз покрутил ложку в руке, его улыбка превратилась в ухмылку. Ведьмак нервно сглотнул.

'А что я?' Он спросил.

О'Димм снова наклонил голову. 'А вы?' Он сказал.

«Теперь я свободен? Я не могу вернуться, и я пошел в крепость, как вы просили. Ложка резко перестала вращаться, когда Гюнтер схватил ее железной хваткой.

— Вам не удалось выполнить контракт. Итак, по законам страны я вам ничего не должен. Ведьмак открыл было рот, чтобы что-то сказать, но демон прижал к его губам черенок ложки, чтобы он замолчал. — И по закону моей страны ты должен мне все. Сделка заключена. — сказал он, понизив голос на несколько октав до ужасающего гула. Прежде чем ведьмак успел отреагировать, Гюнтер одной рукой схватил его за шею, а другой вогнал тупой конец ложки прямо в один из его уродливых глаз. Раздался хрустящий хлопок, когда глазное яблоко лопнуло, и приятный хруст, когда оно пронзило череп, пронзив при этом мозг. Тело марионетки обмякло в руке Гюнтера, и он закрыл глаза, когда мягко светящийся свет отделился от своего мертвого хозяина и поднялся в шумную гостиницу.

С грохотом вынув ложку, Гюнтер быстро поймал убегающую душу на конце чаши. Затем, без каких-либо церемоний или волнений, он поднес посуду ко рту и целиком проглотил светящийся свет. На мгновение он насладился вкусом этого напитка, настолько редким, что в наши дни ему удалось сожрать добрую душу, а ведьмаки были гораздо более восхитительными, чем обычные люди. Проведя мокрым языком по губам, он вздохнул, снова вертя в руке окровавленную ложку.

«Если ты хочешь, чтобы что-то было сделано правильно, ты должен сделать это сам». Он не обращался ни к кому конкретно. Спрыгнув со стола, он неторопливо вышел из гостиницы, напевая мелодию, которую однажды слышал от детей. Никто не взглянул на обычного на вид мужчину, проходившего мимо. Их болтовня и выпивка продолжались непрерывно. Не обращая внимания на одноглазый труп, лежащий теперь под столом в углу.

Шторм утих, как только злоумышленники покинули долину, но этого нельзя было сказать о шторме внутри Элли. Она представляла собой комок взволнованных нервов, находящийся на грани при малейшем изменении атмосферы или звука. Этому не помогла все еще очень открытая рана Ламберта, которую нужно было лечить, и в конце концов он сказал ей уйти, когда она слишком много раз огрызалась на Трисс, пока она пыталась его исцелить.

Она чувствовала себя, как стакан, полный воды. Вибрирует от вины и гнева, готовая разрушиться и выплеснуться из-за малейшего события. Вид зияющей, зловещей на вид раны на его боку запечатлелся в ее мозгу. Это выглядело так, будто Гаэтан чуть не распотрошил Ламберта своим мечом, и это заставило ее желудок сжаться от ненависти, когда она пыталась выплеснуть сдерживаемую энергию, бесцельно шагая по крепости. Эскель и Весемир проверяли оборону стены, Йеннифэр точно так же проверяла магические барьеры, которые она воздвигла вокруг этого места. Поэтому неудивительно, что Элли оказалась наедине с Геральтом в главном зале, как только ее ноги привели ее туда.

Он прислонился к камину, в его глазах появилось выражение беспокойства, которое появилось с тех пор, как он увидел другую метку Гаэтана. После боя и раскрытия того, кто стоял за контрактом на нее, Геральт исчез в недрах Каэр Морхена и долгое время не появлялся на поверхности. Остальные находили такое поведение странным и разочаровывающим, желая собрать как можно больше информации о своем скрытом враге, но Элли смотрела на это иначе. Судя по тому немногому, что он рассказал ей о демоне, с которым он ранее столкнулся, в сочетании с его отвращением и недоверием к ней вначале, она почувствовала, что это опасное существо.

Она подошла к седовласому ведьмаку и вместе с ним посмотрела на клубящееся пламя. Между ними воцарилась тишина, но это не было то неловкое и напряженное молчание, которое она разделяла с Геральтом в прошлом. В этом царила дух товарищества, как будто их общее знание того, что грядет, объединяло их единым фронтом.

— Думаешь, он придет сюда? В конце концов она спросила. Геральт не отвернулся от огня, его лицо было покрыто ярко-оранжевыми и красными татуировками, как боевая раскраска.

'Может быть. Однако он предпочитал, чтобы другие делали его грязную работу».

«Предпочитаю?» Он слегка повернул голову и посмотрел на нее одним янтарным глазом.

' Предпочитает . Я надеялся, что он солгал, когда сказал, что его нельзя убить, но я полагаю, что это была наивная надежда, когда доказательства этого оказались прямо передо мной». Рот Элли вытянулся в тонкую линию. Неуязвимость не была обычной чертой демонов; на самом деле, насколько она знала, она была единственной, кто обладал этой уникальной способностью. Большинство других демонов могли быть ранены, искалечены и даже убиты, получив достаточную травму. Единственным исключением из этого правила были высшие демоны, и она знала только одного из них. Тот, который создал ее.

Она смотрела в огонь, глубоко задумавшись, и Геральт, будучи социальным изгоем, не стал требовать от нее ответа. — Мы знаем, что он преследует меня, поэтому мне пора идти. Теперь проход свободен. Для меня это не должно быть проблемой.

— Для тебя это не проблема, но для кого-то наверняка станет проблемой. Геральт искоса посмотрел на нее, многозначительно приподняв бровь. Точно по сигналу звук нетвердых шагов эхом разнесся по каменному полу в их сторону.

— Я искал тебя повсюду. Раздался голос Ламберта, в котором нотка отчаяния оттеняла досаду.

Повернувшись, Элли увидела, как он хромает к ним, его брови нахмурены в страдальческом выражении. 'Что ты делаешь? Тебе следует отдохнуть. Она отругала.

— Я закончил отдыхать. Меригольд достаточно издевалась надо мной, и я хотел убедиться, что ты не делаешь ничего глупого.

Элли нахмурилась. 'Как что?'

— Это как план покинуть Каэр Морхен в одиночку. Она пристально посмотрела на Геральта. Он ответил ей бесстрастным взглядом.

— Ты что, черт возьми? — рявкнул Ламберт. Элли вздохнула и разочарованно посмотрела на седовласого ведьмака. Он пожал плечами.

«Я бы не хотел, чтобы опасный демон приходил в крепость в поисках меня. Лучше я переманю его туда, где он сможет причинить меньше неприятностей. Выражение лица Ламберта потемнело, прежде чем он схватил ее за запястье и резко потянул.

'Пойдем со мной. Сейчас.' Она попыталась протестовать, но хватка Ламберта была такой сильной, что она чувствовала, как он дрожит на ее коже. Было что-то в этом простом проявлении эмоций, что заставило ее держать рот на замке. Она бросила взгляд на Геральта и позволила ведьмаку-младшему утащить ее. Его лицо ничего не говорило, но глаза все еще выглядели затравленными и обеспокоенными.

Ламберт молча потащил ее вверх на несколько лестничных пролетов по маршруту, которого она никогда раньше не видела. Они прошли через коридоры и пустые комнаты, углубляясь в крепость дальше, чем она когда-либо заходила. Наконец он остановился в узком коридоре с тупиком, заставленным пыльными ящиками. Было ясно, что в эту часть крепости никто особо не заходил, если вообще заходил. Ламберт повернулся к ней и вошел прямо в ее пространство, так что ей пришлось отступить, чтобы отчетливо его видеть. Ее бедра ударились об один из ящиков, Ламберт сократил расстояние и возвышался над ней, не позволяя ей сбежать обратно по коридору.

«Какого черта ты делаешь, Голубые глаза?» Он спросил.

'Ничего.' Она ответила писком. Ее взгляд метнулся к его стороне, прикрытой черной рубашкой.

'Бред сивой кобылы. Геральт тебя сдал, ты собирался снова исчезнуть.

Элли вздрогнула. Она не хотела причинять ему боль, но в то же время ей не нравилось видеть, как ему причиняют боль. Гнев и страх, которые она почувствовала, наблюдая, как его кровь впитывается во влажную грязь, чуть не свели ее с ума. Она не могла снова рискнуть потерять контроль. «Лучше, если я столкнусь с ним в одиночку. Я не хочу, чтобы кто-то из вас умер из-за меня, особенно...». Она сделала паузу, не в силах закончить предложение. Ламберт сердито посмотрел на нее, уголки его губы слегка скривились.

'Как на счет меня? Этот ублюдок чуть не вытащил тебя оттуда. Он бы разорвал тебя и отнес на куски этому демоническому ублюдку. Разве ты не думаешь, что я ненавидел видеть повсюду твою кровь, думая, что я чуть не стал причиной...». Он прервал его со странным сдавленным звуком, и Элли почувствовала, что у нее перехватило дыхание. Его глаза блестели чем-то мокрым в тусклом свете. Его рот был открыт, он смотрел на нее сверху вниз и тяжело дышал.

«К черту все это, Элли». Сказал он, задыхаясь, наклонившись вперед и грубо схватив ее. Его рот был горячим и неистовым против ее губ. Его пальцы зарылись в ее волосы, схватили их и оттянули ее голову назад, чтобы он мог атаковать ее шею. Элли почувствовала приступ боли, когда ее заставили принять неудобную позу. Ящик прижимается к ее бедрам, ее руки лежат на нем, чтобы обеспечить ей некое равновесие. Зубы Ламберта впились ей в шею, и она издала шокированное шипение, его горящий язык провел по ней, оставив ее колени слабыми.

Его тело было прижато к ней, и она чувствовала, как колотится его сердце сквозь хлопчатобумажную рубашку. Эта легкая дрожь все еще пробегала по нему, эхо страха отражалось в том, как он грубо держал ее и терзал своим ртом. Ящик, на который она опиралась, шумно покачнулся о стену, когда он попытался подойти к ней еще ближе. Прежде чем она смогла восстановить равновесие, он схватил ее за бедра и поднял на ящик, расположившись между ее ногами. Он застонал от боли при этом движении, и она инстинктивно попыталась оттолкнуть его, чтобы взглянуть на его рану.

'Осторожный.' Она сказала. Ламберт зарычал ей в рот.

— Не говорите мне быть осторожным. Его руки начали расстегивать ее брюки, и Элли вдруг поняла, что ей больше не хочется с ним спорить. Она позволила ему выместить на себе сдерживаемый гнев, разочарование и страх. Он не был нежным, но и она тоже. Ее собственный ужас при виде его раненого и надвигающаяся тень бури, надвигающейся вокруг них, подогревали ее страсть. Он трахнул ее, прислонив к ящику в заброшенном углу крепости, и после этого они так и остались прижатыми друг к другу; вдыхая их смешанные ароматы.

Элли закрыла глаза и наклонилась к плечу Ламберта, ткань его рубашки терлась о ее все еще теплую щеку. Она прижалась к нему, отчасти потому, что все еще балансировала на ящике, ее брюки теперь были скручены до лодыжек, но также и потому, что она чувствовала себя плывущей по течению. Будто единственное, что удерживало ее на месте, — это твердая масса его тела. Она могла бы оставаться в его объятиях, и посткоитальное сияние просачивалось сквозь ее кости до конца вечности.

'Где это место?' — спросила она в ступоре. Ламберт придвинулся к ней.

— Это рядом с моей старой комнатой. Хотя сейчас это всего лишь складское помещение. Он ответил лениво. Лицо Элли просветлело от волнения.

'Покажите мне. Пожалуйста.' Она умоляла. Он тихо вздохнул, едва ли не больше, чем вздох.

«Я никогда не смогу отказать тебе, Голубые глаза». Сказал он, неохотно отпуская ее. Спрыгнув с ящика, она неуклюже выпрямилась и натянула кожаные брюки. Ламберт томно ухмыльнулся, глядя на нее, а затем протянул ей руку, когда она закончила. Он повел ее немного назад по коридору, обходя множество ящиков. Остановившись рядом с большой стопкой вещей, он отпустил ее и легко сдвинул их в сторону.

Когда ящики были сняты, она теперь могла видеть дверь в стене. Он был идентичен сотням других, которые она видела в крепости, особенно в общежитии, но было в этом что-то интригующее. За этой скромной дверью из дуба и железа скрывалось место, где вырос юный Ламберт. Упрощенное волнение от наблюдения за личным пространством своего возлюбленного вызвало у нее головокружение, и она побежала на месте, когда он поднял бровь, глядя на нее.

«Там нет ничего возмутительного. Только пыль и старые воспоминания. Ты уверен, что хочешь увидеть?

В ответ она яростно мотнула головой, на ее лице застыла улыбка. Ламберт улыбнулся ее детской реакции, затем медленно наклонился вперед, чтобы открыть дверь. Она громко скрипнула, распахнувшись, и в комнате внутри было совершенно темно. Спертый воздух внутри обрушивался на них стеной; пыль и гниль преобладали в запахах, но она все же могла различить под ними слабый след пряностей. Эхо того, кому принадлежала эта комната. Ламберт вошел и зажег бра на одной стене, открывая маленькую спальню во всей ее мирской красе.

У дальней стены стояла односпальная кровать, все еще заправленная, но в которой не спали уже много десятилетий. Слева — ряд полок высотой по грудь, заставленных беспорядочным беспорядком книг, бутылочек с зельями и чего-то похожего на разобранные бомбы. На другом не было никакой мебели, но из каменной кладки торчала тревожная, как валун, серая голова с уродливыми торчащими зубами и глазами-бусинками, застывшими в гротескном выражении.

Элли инстинктивно вздрогнула, и Ламберт усмехнулся. 'Не волнуйся. Оно давно умерло.

Посмотрев на него еще раз, она заметила, что голова окружена куском дерева. Это был трофей. 'Что это такое?' — спросила она, подходя и прикоснувшись к грубой коже существа.

«Это был каменный тролль». — ответил Ламберт, лениво листая взятую в руки книгу. «Это было мое первое убийство». Он поднял глаза, когда она поморщилась, и захлопнул книгу в одной руке. — Не смотри на меня так. Меня этому учили, кроме того, они могут быть мерзкими шлюхами, когда захотят. Только не говори этого Геральту.

Он положил книгу обратно и подошел к ней, скрестив руки на груди и глядя на голову мертвого тролля.

— Вы бы посадили мою голову вот так? Она спросила.

Он пристально посмотрел на нее. — Конечно, нет, что ты возьмешь… — Он остановился, увидев ухмылку на ее лице. — Ты трахаешься со мной?

Ее улыбка стала шире. «Да, я вроде как».

В его глазах сверкнуло что-то темное, и он намеренно развел руки. — Думаешь, ты смешной?

Элли почувствовала, как при виде его хищного выражения лица ее пронзил прилив адреналина, и она начала пятиться назад, на ее лице все еще была широкая улыбка. — Да, знаю.

'Хм.' — пропел Ламберт прямо перед тем, как броситься на нее. Она вскрикнула от возмущения, когда он схватил ее и легко перекинул через плечо. Несмотря на его силу, она заметила, что он слегка опустился, так как рана причиняла ему дискомфорт. Не желая снова его ворчать, но осознавая его боль, Элли послушно стояла неподвижно, пока он переносил ее на кровать. Он бросил ее на него, и вокруг нее клубилось облако пыли.

'Действительно? Прямо здесь, на своих грязных простынях, перед этим парнем? Она заскулила, обвинительно щелкнув пальцем в сторону тролля, который теперь пристально смотрел на них со своего места на стене.

— Заткнись, демон. Он зарычал, пренебрежительно махнув рукой в воздухе, чтобы погасить подсвечник, который он зажег с помощью магии. Она громко рассмеялась, когда он ползал по ней, и довольно скоро совсем забыла о пыльной кровати и сбивающей с толку публике.

Ламберт крепко спал рядом с ней. Его глубокое, ритмичное дыхание было единственным звуком в их тихом уголке крепости. Элли прижалась к нему на маленькой кровати, села у стены, ее пальцы лениво прочесывали его волосы. После бурной недели все было очень мирно, и она позволила своему разуму опустеть, сев рядом со своим ведьмаком.

В старой комнате Ламберта не было окна, поэтому она понятия не имела, как долго они здесь пробыли и какое сейчас время дня. Они были так глубоко в недрах Каэр Морхена, что остальных она не могла различить ни по запаху, ни по звуку. Действительно казалось, что это были только они, подвешенные во времени и пространстве, изолированные от остального мира.

Ламберт слегка пошевелился во сне и фыркнул, повернувшись. Элли посмотрела на его лицо в темноте и увидела, как он надулся, а затем обнял ее за талию. 'Хм.' Он застонал, его рука сжалась вокруг нее. 'Мягкий.'

Она тихо рассмеялась. «Нахальный».

Его рот дернулся в призрачной улыбке, и он снова пробормотал во сне. — Останься со мной, Элли. Никогда не уходи.

Внутри нее появилась трещина боли, когда она посмотрела на его расслабленное во сне лицо. Внезапно покой момента исчез, и она почувствовала непреодолимое чувство паники и вины. Паника по поводу надвигающейся опасности, приближающейся к ним, и чувство вины за то время, которое она провела вдали от своего мира, и за то, как мало она думала о своих друзьях

и товарищах. Она, конечно, не сказала бы, что была так же близка со своими товарищами-привратниками, как ведьмаки, она не думала о них как о братьях и сестрах. Однако она все еще заботилась о них и исчезла, не сказав ни слова. Какой лидер это сделал?

Ей нужно было подышать воздухом. В голове у нее кружилось, и ей не хотелось беспокоить Ламберта своим внутренним кризисом. Пусть он помечтает еще немного, удлинит время, в течение которого ей придется отклонить его просьбу остаться. Трещина расширилась, посылая еще одну горячую боль в ее грудь. Она молча прошла через комнату, натягивая при этом одежду, и выскользнула в дверь, закрыв ее с тихим щелчком за собой.

Быстро идя, она вернулась по их следам, лишь дважды заблудившись по пути. Она не бегала, как раньше, это казалось более методичным. Они говорили о том, что она присоединится к нему на Пути, но он никогда прямо не просил ее остаться с ним в этом мире. Всегда существовало негласное признание того, что это временное явление, каким бы болезненным оно ни было для них обоих. Достигнув главного зала, она почувствовала, что Геральт и Эскель были рядом. Не желая больше неловких встреч, она тихо выскользнула и в несколько прыжков перелезла через восточную стену.

За последнюю неделю лес стал для нее более знакомым, и, прогуливаясь между деревьями, она почувствовала, как в голове прояснилось. Сбивающая с толку дымка, которую Ламберт накинул на него, развеялась на холодном ветру. Вся долина балансировала на грани между зимой и весной. Жгучий холод смешивался со свежим запахом молодых растений. Это послало электричество по ее венам, и она глубоко вздохнула, отходя от крепости.

Она никуда конкретно не направлялась, но через некоторое время очутилась глубоко в лесу, в долине, рядом с бурной рекой, которая питалась и текла из озера. Остановившись, она прислушалась. Шум воды успокаивал ее, заглушая ее бегущие мысли. Она глубоко вздохнула, вдыхая запах земли, резкий запах сосновых иголок, следы зверей и монстров, которые называли долину своим домом. Пробираясь сквозь заросли к реке, она обнаружила большой валун, торчащий из серо-стальной воды. Пена собиралась вокруг скалы, река пенилась и рычала, как дикий зверь.

Элли сидела на валуне, глядя на бурлящую воду. Она влюбилась в этот странный и интригующий мир и его людей. Это казалось настолько далеким от современного мира, который она знала, нормальность монстров одновременно была освежающей и странной. Ее взгляд упал на запястье, покоившееся на коленях. Перевернув его, она осмотрела выжженное на ее коже клеймо. Гораздо дольше, чем она могла вспомнить, этот знак определял ее, отличал от других. В каком-то смысле это было похоже на ведьмаков с их кошачьими глазами. Быть привратником — это все, что она знала, демоны, с которыми ей удалось наладить отношения со своей единственной компанией, могла бы она отказаться от всего этого. Она сидела в глубокой задумчивости, окруженная стремительной рекой. Ее разум мечется между обязанностями и сердцем. Она могла бы оставаться там несколько дней, если бы не неожиданное прибытие.

Несмотря на то, что в это время года все еще было довольно оживленно, Элли чувствовала себя более чем комфортно в взятой напрокат рубашке, закатанной до локтя. Итак, она знала, что не холод заставил ее кожу покалывать, как будто по ней пробежал холодный палец, и не ветер заставил тонкие тонкие волоски на ее руке встать дыбом. Ее желудок скрутило от внезапной тошноты, когда знакомое ощущение в одно мгновение прошло через ее тело. Ее чувства теперь были в состоянии повышенной готовности, когда она замерла, демон, которого обнаружила ее система раннего предупреждения, приближался к ней сзади.

— Ты знаешь, сколько хлопот ты мне доставил? Весьма впечатляюще для полукровки. Сильный

запах серы ударил ей в нос, и она почувствовала, как ее позвоночник выпрямился от грубого, но немного лирического голоса.

— Наконец решил показать свое лицо? Она ответила. Чуть ближе позади нее послышался тихий смешок.

«Я обычно не слишком увлекаюсь своим бизнесом, но иногда это необходимо. Особенно, когда эти люди настолько некомпетентны. Медленно Элли повернулась и посмотрела через плечо на бестелесный голос.

На берегу реки стоял среднестатистический мужчина с коротко остриженными волосами, широким ртом, окруженным щетиной, и крючковатым носом. На нем была простая коричневая туника, похожая на тунику многих батраков и жителей деревни, которых она видела во время своих путешествий с Ламбертом. На самом деле, с его скромным лицом и деревенской одеждой его было бы трудно выделить из толпы. Единственной его частью, которая требовала какого-либо внимания, были его глаза; Расположенные под темными бровями, они излучали ум и хитрость, с которыми не следует считаться. Трудно было сказать, что это за демон, но, судя по его нынешней внешности, джинн казался наиболее близким вариантом.

Элли развернула ноги так, чтобы оказаться лицом к демону. Он доброжелательно улыбнулся ей, безобидно сложив руки перед собой. Она не доверяла этому ни на дюйм.

— Вы Гюнтер О'Димм? Его широкий рот расширился.

«Ааа, я вижу, молодой Геральт говорил обо мне. Приятно осознавать, что я оставил такое… впечатление. Он сделал несколько шагов вперед и оказался прямо у обрыва берега, глядя вниз на гремящую, набухшую от дождя реку.

— Итак, чего ты хочешь? — сказала Элли, ее глаза сузились, когда она осторожно наблюдала за ним. Гюнтер медленно повернул голову и посмотрел на нее, затем улыбка исчезла, выражение его лица потемнело и приняло нечто гораздо более опасное.

«Так трудно думать об этом рэкете». Он огрызнулся. Затем внезапно грохот прекратился. Оглушительная тишина наполнила лес, и Элли с тревогой огляделась, убежденная, что он телепортировал их куда-то. Но то, что она увидела, было гораздо более тревожным.

Река все еще была здесь, вместе с деревьями и валуном, который она выбрала в качестве своего места. Однако там, где когда-то ее окружали яростно бушующие волны и пенящиеся течения, теперь царила лишь тишина. Река, застывшая в середине течения, ее воды цвета железа застыли в середине своего пути вниз по долине. Листья тоже были неподвижны. Ветер, который шелестел и сотрясал их несколько секунд назад, теперь утих. Там ничего не было. Только тишина и Гюнтер, теперь снова отвратительно улыбающийся ей.

— Там гораздо лучше. Он протянул слова, и Элли вздрогнула, осознав, что он был причиной. Холодный камень страха поселился у нее в животе, и она сухо сглотнула, когда стало очевидно, что он был гораздо большим, чем она первоначально предполагала. Ни один обычный джинн не мог остановить время. На самом деле, был только один тип демонов, обладающий таким уровнем силы.

Ухмылка Гюнтера стала отвратительной, его глаза светились глубоким удовлетворением, как будто он знал, о чем она думает. Он сложил пальцы вместе, поднял их и положил на них подбородок, глядя на нее со злобным ликованием. — А теперь, моя дорогая, давай заключим сделку.

http://tl.rulate.ru/book/100009/3433608